

Архив профессора Олафа Брока в Норвежской Национальной Библиотеке

Tamara Lönngren

Universitetet i Tromsø Norges Arktiske Universitet

tamara.lonngren@uit.no

Abstract. Professor Olaf Broch's archive in the Norwegian National Library

The present article, "Professor Olaf Broch's archive in the National Library of Norway," provides a preliminary description of the archive of the Norwegian professor of Slavic languages Olaf Broch (1867-1961), whose heritage is represented not only by well-known works in the field of Slavic phonetics but also by abundant correspondence held in archives of various countries. The greater part of this correspondence is deposited in the archive of the Norwegian National Library. There is currently no description of this archive, but according to a preliminary evaluation, the epistolary section of Broch's archive comprises letters from approximately 500 correspondents, of whom approximately 140 wrote in Russian. Correspondence with academician Alexey A. Shakhmatov holds a special place within Broch's correspondence with philologists. Broch was in communication with many Russian linguists, historians, literary scholars, writers and poets, as well as with diplomats and politicians: there are letters written to him by S. V. Arsen'ev, V. A. Bereznikov, K. N. Gulkevch, A. M. Kollontay and A. V. Lunacharskiy. Of special significance is his correspondence with Ukrainian scholars and politicians, through which a previously unknown Ukrainian chapter in the biography of Norwegian Slavist has been discovered. In addition to the epistolary legacy, many other materials have been discovered in Broch's archive, including a manuscript containing previously unknown memoirs by E. A. Masal'skaja-Surina and poems-in-prose by S. Šil'.

*Архивы — это один из способов
раскопать самые немислимые
повороты и петли биографий,
а через них — и истории.
А. Симонов*

Наследие первого норвежского профессора славянских языков Университета Осло Олафа Брока (Olaf Broch: 1867-1961) представлено не только его известными работами в области славистики, но и богатой перепиской, хранящейся

в настоящее время в архивах разных стран.¹ Основная часть этой переписки находится в специальном зале Норвежской Национальной Библиотеки в Осло, в архиве Олафа Брока, фонд Brevs. 337. Полного описания этого архива нет. Предварительное описание эпистолярной части архива представлено в работе Лённгрен 2015b: 82-97. В предлагаемой статье продолжается описание архива: после краткого обобщения сведений из предварительного описания и дополнения их новыми, не учтенными в картотеке материалами, впервые будут представлены ранее неизвестные рукописные литературные источники, хранящиеся в архиве профессора Брока.²

Что касается эпистолярной части архива, то в специальном зале NB есть картотека, где на каждой карточке указаны имя и фамилия корреспондента, иногда годы его жизни, количество писем и их хронологические рамки. Сейчас начата работа по дигитализации этой картотеки.³ Письма хранятся в тринадцати больших папках. Еще в трех папках собрана корреспонденция, до сих пор не описанная и не представленная в картотеке. По предварительным подсчетам в тринадцати папках находятся письма приблизительно от 500 корреспондентов, писавших на разных языках: норвежском, шведском, датском, немецком, французском, английском, чешском, словацком, польском, сербском, хорватском, болгарском, русском и украинском. Встречается несколько корреспондентов, не придерживавшихся одного языка в переписке: одна часть их писем написана, например, по-русски, а другая — по-английски, немецки или французски. Около 140 корреспондентов писали только на русском языке и четыре — только на украинском.

Круг общения норвежского слависта на русском языке был очень широк: он переписывался с коллегами-филологами, известными учеными из других областей науки, писателями, дипломатами, политиками, родственниками и знакомыми коллег и друзей, разными людьми, обращавшимися к нему за помощью в поисках своих родственников, оформлении визы, оказания материальной помощи, передачи корреспонденции, передачи просьбы Фритьофу Нансену и даже с просьбой сохранить воспоминания и передать потомкам. Не случайно В. Н. Огранович, личный секретарь первой русской женщины-философа В. Н. Половцевой, обращаясь к О. Броку за помощью в оформлении норвежской визы для своего руководителя, писала: «Простите, что беспокою Вас, но уж такая Ваша роль быть другом и помощником человечества».⁴

¹ Норвежская Национальная Библиотека в Осло (NB); Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (СПбФАРАН); Национальный исторический архив в Киеве (ЦДІАК); Институт рукописей ЦНБНАН Украины; Бахметьевский архив Колумбийского университета в США и др. Письма О. Брока в указанном архиве США были отысканы мною в августе 2015 г.

² В основу статьи положен доклад «Из истории российско-норвежских научных связей: переписка Олафа Брока», прочитанный 19.8.2016, в Стокгольме, на XX съезде скандинавских славистов.

³ <http://www.nb.no/hanske/signaturfunn.php>

⁴ Из незарегистрированного письма от 7.2.1927 В. Н. Огранович к О. Броку.

В переписке с филологами особое место занимает его переписка с А. А. Шахматовым. В NB хранится более ста писем А. А. Шахматова, адресованных О. Броку, а в СПбФАРАН находится более 180 писем О. Брока к А. А. Шахматову.⁵ О. Брок и А. А. Шахматов были не только коллегами, но и настоящими друзьями (Lönngren 2015a: 39-51, 2015b: 85). Уже во время своей первой поездки в Москву О. Брок познакомился с Ф. Ф. Фортунатовым и находился в переписке с ним в течение четырнадцати лет (1893-1907). В СПбФАРАН сохранилось шесть писем О. Брока к Ф. Ф. Фортунатову, и три письма Ф. Ф. Фортунатова к О. Броку находятся в NB. Сравнение этих писем с перепиской Ф. Ф. Фортунатова с А. А. Шахматовым (Бархударов 1958: 60-75) свидетельствует о том, что русский профессор с одинаковой серьезностью и интересом относился к обсуждению научных проблем с обоими молодыми лингвистами и не делал никакой скидки на то, что для одного из них русский язык был неродной.

О. Брок поддерживал переписку со многими русскими лингвистами, историками, литературоведами, писателями, поэтами. В его архиве хранятся письма не только А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова, но и В. А. Богородицкого, И. В. Бодуэна дэ Куртенэ, И. Бунина, К. Я. Грота, М. Долобко, С. А. Корфа, Б. Ляпунова, Д. С. Мережковского, С. Ф. Ольденбурга, М. Д. Приселкова, Е. Перфецкого, П. Н. Сакулина, А. М. Селищева, П. Струве, В. И. Чернышева, В. Ф. Шишмарева, Р. О. Якобсона и др.

В трудные 20-е годы О. Брок вместе со скандинавскими учеными всячески старался поддержать своих собратьев-ученых в молодой стране Советов. В архиве хранится письмо А. В. Луначарского от 21.5.1921, адресованное О. Броку, как ответ на его вопрос о том, какую поддержку от государства получают советские ученые, и копия благодарственного письма А. В. Луначарскому, написанного О. Броком в июле 1921 года от имени группы скандинавских ученых.

В 1922 году Брок получил два письма от И. П. Павлова, отправленных из Хельсинки, в которых великий русский физиолог благодарит норвежского коллегу за помощь, а в одном из писем горестно замечает, что только в письмах из-за границы можно избавиться от «рыбьего языка», которым вынуждены пользоваться в письмах, отправляемых из советской России.⁶

В годы Первой мировой войны О. Брок принимал активное участие в деятельности Красного Креста, через который русским военнопленным было отправлено несколько тысяч книг на русском языке. Сохранились письма благодарности военнопленных с приложенным списком полученных книг. Сохранилось и письмо из Красного Креста с сообщением о том, что больше посылки русским военнопленным передаваться не будут.

⁵ В настоящее время переписка О. Брока и А. А. Шахматова готовится к публикации.

⁶ NB, Brevs. 337: письма И. П. Павлова к О. Броку от 19.4.1922 и 27.4.1922.

Военные годы внесли свои коррективы в содержание переписки коллег-славистов: наряду с обсуждением лингвистических проблем они все чаще обращаются друг к другу с просьбой разыскать место нахождения военнопленного, позаботиться о его пребывании, передать деньги или послать продукты. Так, например, из сохранившейся переписки О. Брока и В. А. Богородицкого⁷ видно, как тематика обсуждения фонетических проблем, имевшая место в 1910 году, сменяется просьбами О. Брока оказать помощь и поддержку военнопленным.⁸ В письме от 30.11.1910 В. А. Богородицкий⁹ пишет О. Броку:¹⁰

Многоуважаемый Коллега! Весьма благодарен Вам за присылку Вашего прекрасного труда по физиологии славянской речи,¹¹ которым я намерен широко воспользоваться при своих будущих работах. Не говоря уже о богатстве содержания, он отличается редкой объективностью и изяществом изложения. [...]

И далее казанский профессор продолжает обсуждать достоинства и достижения исследования своего норвежского коллеги и намечает конкретный план использования результатов этой работы в своих дальнейших исследованиях. Переписка следующих пяти лет не сохранилась. Из писем О. Брока, написанных пять лет спустя на почтовых карточках с отметкой военной цензуры видно, что тема переписки в этот период была очень далека от лингвистических проблем. О. Брок обращается к своему казанскому коллеге за помощью совсем другого рода:

Многоуважаемый Коллега, здешний мой коллега проф. Гольдшмидт¹² обратился ко мне по следующему делу. Профессор минералогии Черновицкого (а раньше Венского) университета Михаил Старк попал в плен к русским 27 ноября, в качестве поручика 3-ей роты 22-го ландштурмского пехотного полка. Его перевели в Канск Енисейской губ[ернии]; потом известный шведский физик Аррениус и Петроградская академия выхлопотали для него позволение переехать в Казань, чтобы дать ему случай заниматься наукой. Мой коллега, который был в свое время учеником Старка, узнал, что последний находится в затруднительном экономическом положении; а так как семье Старка не удалось до сих пор послать ему денег, то Гольдшмидту вздумалось отправить ему отсюда. Он спрашивает меня, как устроить это. Зная по опыту Вашу большую любезность, я позволил себе указать ему на Вас и дал ему Ваш адрес. Он сегодня вышлет сумму — и так Вы будете знать, на что сумма назначена. Я уверен, что не

⁷ Богородицкий Василий Алексеевич (19.4.1857-23.12.1941) — российский лингвист, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1915), один из основателей казанской лингвистической школы. Труды по экспериментальной фонетике, диалектологии, славистике, тюркологии, индоевропеистике, общему языкознанию.

⁸ Сохранилось 1 письмо и 11 почтовых открыток О. Брока к В. А. Богородицкому, написанных в период 1915-1922 (СПбФАРАН, f. 898, op. 2, ed. xg. 14).

⁹ Письмо В. А. Богородицкого к О. Броку от 30.11.1910 (NB, Brevs. 337).

¹⁰ Здесь и далее: письма и цитаты из писем к О. Броку приводятся по архивным материалам NB, Brevs. 337. Воспроизведение текста осуществляется в современной фотографии, явные ошибки устранены, авторская пунктуация сохранена.

¹¹ Речь идет о работе О. Брока *Очерк физиологии славянской речи* (Брок 1910).

¹² Гольдшмидт Виктор Мориц (1888-1947), норвежский геохимик. Один из основоположников геохимии. Учился в Кристиании (Осло) и в Вене. С 1914 профессор минералогии и геологии университета в Осло.

рассердитесь! Теплые поклоны, также от Ягича,¹³ с которым я в постоянной переписке. Искренне преданный Вам Олаф Ив[анович] Брок. (3.4.1915)

На этой карточке есть запись, сделанная рукой В. А. Богородицкого: «Деньги переданы Старку под расписку у казанского командира генерала Н. В. Комарова 4 мая 1915 г.».

В следующем письме от 29/16.5.1915, тоже написанном на почтовой карточке с отметкой военной цензуры, О. Брок сообщает следующее:

Грубокоуважаемый Коллега! Получил сегодня карточку с вопросом, что делать с Гольдшмидтовыми деньгами, а сегодня карточку, что наконец узнал о назначении суммы и передал, куда следует. Очень благодарит Вас Гольдшмидт через меня. Вероятно, Вы получили письмо от него, а через несколько дней получите еще открытку, заказную, все о тех же деньгах, которые очевидно, привели Вас в большое недоразумение. Можно ли узнать через Вас, как поживает про[фессор] Старк? Гольдшмидт очень желал бы слышать об этом. А просит от меня еще передать г[осподину] Старку через Вас, что наконец, две недели т[ому] н[назад], родные С[тарк]а в Вене получили от него известия; пусть он успокоится по этому поводу! Как я желал бы переселиться с Вами на Волжскую дачу — я сильно скучаю по России, хотя и у меня есть прелестная своя избушка в лесу, около фьерда. Сердечные поклоны от меня и от сына Jens [Енса]. Весь Ваш Олаф Ив[анович] Брок.

До обнаружения этой переписки О. Брока с В. А. Богородицким из их биографий не было известно о том, что они вообще были знакомы, тем более что они находились в таких дружеских отношениях.

С просьбой о розыске и оказании помощи родственникам-военнопленным обращались и к О. Броку, и не только коллеги-ученые, но и по просьбе его друзей совсем незнакомые люди. Очень красноречивым в этом отношении является письмо от 5.9.1915 отчаявшейся матери трех сыновей, соседки А. А. Шахматова по губаревскому имению Анны Ивановны Вязовской:

Многоуважаемый Олаф Иванович! Это письмо удивит Вас, что из какой-то Вязовки и Вязовская знает Вас там далеко в Норвегии. Мы сию минуту сидим с Алексеем Александровичем Шахматовым и разговариваем о Вас; он только что вернулся из Петрограда за семьей; 8 сентября выедет опять из Губаревки. В бытность Вашу в Губаревке мы виделись с Вами, но то уже было давно. Алексей Александрович много говорил о Вашей доброте душевной и отзывчивости, и по совету его я к Вам и обращаюсь с большой просьбой: нет ли в Германии у Вас знакомых лиц, при посредстве которых можно было бы навести в лагерях военнопленных справку, не числится ли мой сын прапорщик 151 пехотного Пятигорского полка, пропавший без вести 11 июля, Сергей Сергеевич Вязовский. Если возможно, во имя всего святого прошу Вас. Есть и другая просьба: сын доброволец 18 Сибирского стрелкового полка Александр Сергеевич Вязовский находится в германском плену, лагерь Güstrow in Mecklenburg. Wagasse I. Ему посылалось несколько переводов на деньги, но до 2 августа он еще не получал. Есть одно выражение в его письме: «Деньги я не получал, но если их обратно не услали, получу». Эта фраза меня наводит на мысль, что, вероятно, его некоторое время в Гюстрове не было, думаю, где-нибудь пленные были на работах. В каждом письме сын убедительно просит прислать ему что-нибудь съестного. По рассказам убежавших из плена солда-

¹³ Игнатий (Ватрослав) Викентьевич Ягич (1838-1923) — выдающийся австрийский и российский филолог-славист, лингвист, палеограф и археограф. Академик Петербургской Академии наук. Один из крупнейших экспертов в области славянского языкознания во второй половине XIX века. Учитель О. Брока, был в тесной переписке с А. А. Шахматовым, в трудное военное и послереволюционное время письма передавались через О. Брока, имевшего тесные связи с дипломатической миссией.

тиков и вернувшихся инвалидами, жизнь в плену — это медленный измор голодом. За эту войну я потеряла убитым сына, пропавшим сына без вести, о котором прошу навести справки, и сына в плену. Вы теперь поймете наше, родителей, душевное состояние. Сыну, томящемуся в плену, не можем помочь. Думали, думали я и Алексей Александрович и надумали обратиться к Вам. Алексей Александрович решительно убежден, что всё, зависящее от Вас, Вы исполните. По совету его я с этим письмом перевожу на Ваше имя 10 р[ублей] 42 [копейки], т. е. 20 крон, и прошу Вас на эти деньги купить что-нибудь из мучного, главным образом хлеба (удобнее в сушеном виде) сухарей и подобного тому и отослать посылкой в Германию. (Мы, русские, без хлеба голодаем). Я бы просила Вас не сразу на всю сумму закупить и отослать, а частями, дней через 5 или 6. Если Вам возможно и удобно исполнить мою просьбу, не отказывайте мне ответить по следующему адресу [...] Шахматовы и мы, Вязовские, шлем почтение с пожеланием всего хорошего. Анна Вязовская. PS: Не найдете ли возможным переслать прилагаемое письмо.

Эта просьба, как и большинство других, завершившихся письмами благодарности, была исполнена норвежским профессором.

Много писем, адресованных О. Броку, содержат просьбы о помощи в оформлении визы: просили не только друзья, знакомые, друзья друзей, но часто и сами дипломаты.

О том, что у О. Брока был широкий круг общения с российскими посланниками, в литературе уже упоминалось (см., например, Памятники 2015: 7-8), но к этому следует добавить, что он был близок не только с С. В. Арсеньевым, В. А. Березниковым, К. Н. Гулькевичем и др., но и с А. М. Коллонтай: в архиве сохранилось не только шесть ее писем, полученных О. Броком в течение семнадцатилетней переписки (1929-1946), но и копии его ответов советской посланнице. Особенно отчетливо прослеживается гражданская позиция норвежского профессора в письмах к А. М. Коллонтай, написанных в феврале 1940, где речь идет о событиях в Финляндии. 7.2.1940 Олаф Брок писал А. М. Коллонтай, которая в то время была посланником страны Советов в Швеции, в Стокгольме:

Многоуважаемая Александра Михайловна,

Как ни расходимся, вероятно, в политических взглядах, я не могу себе представить, чтобы мы были столько же удалены друг от друга по части гуманитарных чувств. А сколько ни различается Советская Россия от той, с которой я был знаком и близко связан, не могу себе представить, чтобы совсем исчезли те чувства альтруизма и человечности, которые я видел и осязал много именно у покойных своих русских друзей. Потому и отважился на вопрос — прошу смеяться, если он чересчур наивен.

Как, со стороны наших кругов, и каким кругам Советской России Вы считали бы возможным дойти с обращением, рассказывающим о жестокостях и взывающим к оказанию хоть некоторой гуманности по отношению к финляндскому народу? Не касаюсь вопроса о самом походе на Финляндию, имею в виду лишь бомбардировку беззащитного населения, нападения с воздуха на местности вне всякого отношения к военному делу. Не в интересах ли оно самой Советской России и всех нас, чтобы это прекратилось?

Жена кланяется.

В совершенном уважении О. Брок (подпись)

Довольно резкий ответ из Стокгольма пришел незамедлительно. 10.2.1940 А. М. Коллонтай писала:

Уважаемый профессор,

Я получила Ваше письмо от 7 февраля. Понимаю вполне чувства, которыми это письмо продиктовано, но позвольте себе дать Вам совет, что намеченное Вами обращение едва ли принесло бы пользу делу. По-моему весь вопрос в том, чтобы конфликт возможно скорее закончился, а для этого нужна добрая воля не только с нашей стороны.

Я невольно думаю, где же были все друзья мира, когда мы в течение многих лет упорно пытались проводить в Женеве решения, которые предупреждали военные конфликты.

Еще одно: до Скандинавии, как и до всего мира доходят только односторонние газетные сообщения и, при этом, естественно, пристрастные.

Прошу Вас, уважаемый профессор, передать мой привет Вашей супруге.

С искренним уважением

А. Коллонтай (подпись)

В письме от 14.2.1940 Олаф Брок, вежливо поблагодарив мадам Коллонтай за ответ, в лучших традициях дипломатического политеса написал такой разгромный комментарий действиям советских вождей на территории Финляндии, что вряд ли могли остаться сомнения в его правоте у любого здравомыслящего человека, а не только у неординарной советской посланницы:¹⁴

Многоуважаемая Александра Михайловна,

За Ваш ответ я очень обязан, прошу принять мою благодарность. Я склоняюсь к мысли, что обращение от тех норвежских рабочих кругов, которые раньше были в довольно близких сношениях с советским рабочим миром, не останется, может быть, без благотворного влияния. Следуя Вашему совету, откажусь пока от такой мысли.

Не кончить на этом? На что вообще частные слова отдельного лица в эпоху, которая приносит Ваальские жертвы своим лозунгам о классах, партиях, государствах, а забывает вполне о человеке, его правах и обязанностях. Однако, по старой привычке, не могу отказать себе в паре заметок на таковые же от уважаемого собеседника.

Безусловно примыкаю к Вам, что весь вопрос в том, чтобы конфликт возможно скорее закончился. По Вашему для этого «нужна добрая воля не только с нашей стороны.» По-моему, нужно меньше того, нужна просто воля, и только с советской стороны. Воля на основании уразумения у советских вождей, что есть у цивилизованных народов, также маленьких таковых, сознание права на известные условия жизни, которые им дороже самой жизни, и на которые поэтому никому не надо посягать. Признай советский режим это, и конфликт кончен. Молотову вряд ли трудно найти подходящую «формулу»; ведь до сих пор советская власть как будто не «в войне» с финляндским народом или государством? Или как это?

Вы спрашиваете «где же были все друзья мира, когда мы в течение многих лет упорно пытались проводить в Женеве решения, которые предупреждали военные конфликты.» Не может быть Вам неизвестно, Александра Михайловна, что нигде столь душевно и столь многочисленно не относились с сочувствием и доверием к этим попыткам, как тут у нас. Тем горче и разочарование, вызванное поступком нынешних Ваших вождей по отношению к Финляндии.

Да, если бы Вы не принадлежали к дипломатии этих вождей, я бы посочувствовал Вам как образованной русской женщине из бывшего освободительного движения, такой вопрос: не шепчет ли где-то в душе Вашей голос против этого поступка и жертвования на него страшной массы жизней, не только «Маннергеймской шайки», но также и добрых русских людей, не говоря о невинном населении деревень и хуторов.

Конечно, сообщения вообще, как Вы говорите, односторонни и пристрастны. Стараюсь держаться наглядных фактов и судить по ним. А и те рассказывают, не правда ли, более чем достаточно о всём ужасе и сраме нашего времени. Невольно выныривает ежедневно, ежечасно вопрос: «Что делать?»

¹⁴ В это время, 5.2.1940, А. А. Коллонтай встречалась с министром иностранных дел Финляндии Таннером, приехавшим в Стокгольм; в любое время суток была вхожа в кабинет министра иностранных дел Швеции Гюнтера и посылала бесконечные срочные депеши, телеграммы, шифровки в Москву, стремясь во что бы то ни стало, как можно скорее приступить к мирным переговорам и прекратить кровопролитие (Коллонтай 2001: 493-502).

Жена отвечает приветом же. С совершенным уважением О. Брок (подпись)

В архиве О. Брока хранятся письма, не только адресованные самому О. Броку, но и другим его корреспондентам, находившимся с Броком в регулярной переписке. Так, например, известно, что О. Брок переписывался с К. Н. Гулькевичем (Lönngren 2015a: 41). Несколько писем, адресованных дипломату-невозвращенцу тоже хранятся в архиве норвежского профессора.

В биографии Брока до последнего времени никогда не упоминалось ни о том, что он был членом Национальной Академии Наук (НАН) Украины, ни о его научных связях с украинскими учеными. Но в архиве находится 21 письмо от семи украинцев. Четыре корреспондента (В. Гнатюк, В. Кохан, М. Левицкий, Я. Рудницкий) писали на украинском языке. Письма трех известных деятелей Украины — М. С. Грушевского, К. Квитки и Е. Курило — написаны по-русски. Именно из неизвестного до сих пор письма М. С. Грушевского к Броку от 23.6.1924 мы узнаем, что в этот день Олаф Брок единогласно был избран членом-корреспондентом НАН Украины. В биографии Олафа Брока никогда об этом факте не упоминалось. На современном сайте НАН Украины размещена информация о том, что Олаф Брок является ее иностранным членом по специальности лингвистика. Дата избрания его в члены-корреспонденты на сайте отсутствует, но благодаря находке в архиве письма М. С. Грушевского, стало известно, что это значительное событие в жизни норвежского слависта произошло 23.6.1924:

Многоуважаемый коллега!

С особенным удовольствием извещаю Вас, что обряды Вашего выбора в члены Академии сегодня закончились: и в отделении и в общем собрании Вы избраны единогласно. Ваше теплое письмо, которое я прочел вместе с Вашим *curriculum vitae* вызвало всеобщую симпатию к Вам и желание видеть Вас как можно скорее среди нас, как нашего коллегу и дорогого гостя.

В самом деле, было бы желательно, чтобы Вы как можно скорее могли приехать на Украину и заняться нашей фонетикой. Это было бы не только полезно и приятно Вам, но и нашим довольно многочисленным лингвистам и диалектологам было бы чрезвычайно полезной школой, если бы они смогли проделать с Вами несколько диалектологических экскурсий. Я думаю, что это уже можно было бы осуществить уже этой осенью, если бы это Вам было удобно: наши этнографы, диалектологи, музыканты и т.д. уже экскурсируют в этом году энергично и успешно. Но если этот год уже у Вас распределен, тогда заблаговременно можно обдумать и устроить на следующий.

Пересылаю Вам письмо одного из наших сотрудников — заведующего музыкально-этнографическим кабинетом, и остаюсь с искренним почтением

М. Грушевский

Очень рад был бы получить от Вас статью или хотя бы рецензию на какой-нибудь общего характера труд для нашего издания.

В трех папках, содержащих незарегистрированные материалы, находятся письма и материалы Центросоюза, отчеты из лагерей военнопленных о получении русских книг через Красный Крест и благодарственные письма русских военнопленных. Кроме того, в этой папке находятся письма корреспондентов, как уже учтенных в картотеке (Г. Пилар, К. Н. Гулькевича, О. Чернышова, В. Н.

Огранович, Перфецкого, Б. Никольского, С. Шиль), так и неучтенных (Е. М. Масальской-Суриной, М. Стахович, Е. Ц. Фридберга и т.д.) и ряд других документов, например, копия письма О. Брока к А. В. Луначарскому от 23.6.1923, рукописи двух статей К. Гревса, расписки в получении денег и т.д.

В завершение экскурса в эпистолярное наследие норвежского слависта нельзя не упомянуть, по крайней мере, еще о двух неизвестных фактах его биографии.

В литературе утвердилось мнение, что О. Брок по совету А. А. Шахматова описал два русских говора. Однако, как следует из переписки, никаких советов Шахматов Броку не давал, они вместе на протяжении долгого времени обсуждали, какие говоры выбрать для исследования, и именно в ходе этих обсуждений был сделан выбор двух говоров для описания. В июне 1902 года по официальному приглашению и солидной стипендии от Императорской Академии Наук Олаф Брок приехал в Россию для сбора диалектных материалов. Приехал он не один, а со своей женой Нини. После экспедиции в Мосальский уезд и короткого визита к А. А. Шахматову, который в летнее время с семьей находился в своем Губаревском имении Саратовской губернии, Нини уехала в Норвегию, а Олаф задержался еще на месяц в Ярославской губернии. Как известно из публикаций О. Брока, научные результаты той поездки в Россию были очень плодотворными (Брок 1907, Брок 1916).

Но был и другой результат этой поездки: в марте 1903 года, т.е. через девять месяцев после диалектологической экспедиции в Россию, у Броков родилась дочь Марианна, которую друзья в письмах так и называли: «русская девочка». В одной папке, среди незарегистрированных писем, мною было найдено письмо О. Брока к его дочери Марианне, написанное в Осло 17.2.1928. Для того, чтобы описать любовь норвежского слависта к России, его народу и языку, вряд ли найдутся слова во всех языках, которыми он владел, а тот факт, что он по-русски переписывался со своей дочерью, норвежской «русской девочкой», явление и вовсе совершенно уникальное. Это письмо — открытие еще одного таланта О. Брока: преподавателя русского языка как иностранного. В этом письме он очень мягко и тактично комментирует ошибки, допущенные дочерью в письме к нему, и доходчиво, с методичной последовательностью объясняет грамматические вопросы и правила правописания.

Дорогая, милая дочка,

мне очень забавно читать твое русское письмо. Оно показывает, что ты работаешь не без успехов, хотя в нем, конечно, много ошибок, но оно везде вполне понятно. Я думаю, что тебе будет полезно, чтобы я указывал и поправлял все ошибки — это будет вроде школьного упражнения. Притом буду писать, как ты: без ь.

И не зная «трудного русская языка» — ты сейчас видишь, что нужно переделать русская в русский, не правда ли? — «Я хотел бы» — ты как дама должна писать (и говорить) «я хотела бы».

«благодарить тебя за посланную ко мне книгу» надо переделать в ...за посланную мне книгу. Если употреблять предлог, то писать ко, но он в данном выражении не нужен. «первый

ден» нельзя писать, нужно день. «со многим трудностью и со словарю» надо писать: со многoю (лучше: большою) трудностью и со словарём (словарь: мужской род).

Не Марианнучка, а Марианночка: i пишется перед гласными, если ты употребляешь еще ь — в новейшем правописании ь заменено e, а i — и.

... «что Марианночка придет» нужно переделать в приедет (придет — это «ногами»), приедет — парходом или по железной дороге или на лошадях или даже аэропланом. — Надѣмся (не «де»). — Теперь (не «ер») здесь (не сдесь) опять снег... «Вчера был весна» — нужно: была. «Маленький»: маленький.

«Я думаю что Мари(i)анне(a) будет полюбить его» или: будет любить его или: полюбит его (vil få ham kjær).

«А помилы, мне надо спать...» — нужно: ...луй, спать ...

Не «спокойные ночи», а спокойной ночи (родительный падеж единственного числа).

Теперь ты можешь читать «Пиковую Даму». Это — книга не трудная. После нее я тебе pošлю другие, если ты этого желаешь. [...]

Поклон всем Вам от твоего отца (Olaf Broch). Пиши еще по-русски, если хочешь.

Кроме перечисленных папок, в архиве имеется еще восемь папок и один большой ящик, где содержится материал, подвергшийся очень предварительной сортировке, произведенной профессором Университета Тромсё Кари Миклебу́ст (Kari Myklebust). Благодаря очень кратким, буквально в несколько строк описаниям содержания каждой папки и ящика, составленным профессором Миклебу́ст, появилась возможность ориентироваться в этой массе разнородного материала, ознакомиться с ним и представить здесь первые результаты описания литературных находок.

Как уже было отмечено ранее, у А. А. Шахматова были очень близкие отношения с его старшей сестрой Женей, Евгенией Александровной, в замужестве Масальской-Суриной. Видимо, близость отношений брата и сестры стала причиной особо доверительных отношений Евгении Александровны и О. Брока, о чем свидетельствует не только их переписка, но и сохранившиеся среди незарегистрированных материалов, в папке под номером 6, рукописные главы из «Воспоминаний о моем брате А. А. Шахматове» в автографе Е. А. Масальской-Суриной, на что указала при сортировке материала К. Миклебу́ст (Lönngren 2015: 43-44). При изучении состава этой папки выяснилось, что в ней содержатся не только указанные главы из «Воспоминаний» в автографе Е. А. Масальской-Суриной,¹⁵ но и два неизвестных ее произведения: «Саги тетюшек» (71 страница машинописного текста) и четыре очерка из мемуаров в шести очерках «История с географией» (всего около 800 страниц машинописного текста), представляющих собой описание жизни Е. А. Масальской-Суриной и ее семьи с 1908 по 1916 год.¹⁶ То, что «История» состоит из шести очерков, известно из названия, написанного рукой автора. В найденной рукописи имеется всего четыре очерка: «Минск», «Щавры», «Сарны» и «Глубокое». В «Истории» большое место зани-

¹⁵ Всего 31 лист рукописного текста: выявленные разночтения (см., например, л. 1-24 и Масальская-Сурина: 51-61) не оставляют сомнения в том, что эта рукопись при издании «Воспоминаний» в 2012 году учтена не была.

¹⁶ В настоящее время «Саги тетюшек» и «История с географией» готовятся к изданию.

мает описание жизни ее любимого младшего брата Лели — академика Алексея Александровича Шахматова. Вот, например, один из таких эпизодов:

Леля остался с нами встречать Новый Год. Встречали мы его в тесном семейном кругу и в «первобытном состоянии», шутили мы потом, потому что Наташа и Витя (наши благо приобретенные половинки) были в отсутствии. Наташа с детьми в Академии, а Витя у родителей своих в Петергофе. Первый день Нового Года мы с Лелей, помнится, катались по городу в санках, в поисках татарского муллы, которого нигде не нашли. Лелю интересовали литовские татары, поселенные в Минской губернии Витовтом. Они, хотя и сохранили свою религию и обычаи, но совсем забыли свой язык. Это удивляло Лелю, и ему хотелось узнать о них что-либо у муллы.

На другой день мы к двум часам прибыли в Археологический музей к заседанию, в котором Лелю просили быть председателем. Здесь он познакомился и с прочими членами общества. [...] Подробно был осмотрен музей, собранные предметы богослужения, кресты, монеты, перстни и пр. Лелю, конечно, больше всего интересовали рукописи — латинские, польские, славянские, русские. Он давал советы и обещал содействие Академии Наук, субсидии на столь необходимые экскурсии по губернии. Вечером некоторые их «археологов», очень понравившиеся Леле, зашли к нам чай пить и продолжать начатые в музее беседы. Леле вообще очень понравилось у нас в Минске и в Гарни. [...] Чувствовалось, что Леля с радостью пробыл бы у нас еще хоть несколько дней, но — долг прежде всего!.. «Две недели здесь в Минске, — уговаривала я его, — куда были бы полезнее твоей науке, чем суетная жизнь, верчение белки в колесе.» Леля соглашался со мной, но как было вдруг уехать среди года в командировку, когда миллион обязательств, заседаний и собраний не давали ему вздохнуть, дня покойно провести над его научными трудами? А Наташа?.. Но особенно жалели мы все, что Леля, торопясь в Петербург, ограничился одним Борисовским уездом. О Пинском уезде нечего было и мечтать! А между тем, сколько интересного для него представила бы именно Пинщина! Огражденные болотами от всего света, пинчуки не знают никого из внешнего мира [...]

Без сомнения можно сказать, что «История» — это своего рода продолжение «Воспоминаний» с той разницей, что в «Воспоминаниях» описывается жизнь брата и сестры в окружении их одной общей семьи и родственников, а в «Истории» описывается жизнь взрослых сестры и брата уже в своих образовавшихся семьях, но поддерживающих такие тесные родственные и дружеские отношения, какие возможны только в одной большой дружной семье. Последний очерк под названием «Глубокое» написан на французском языке (123 страницы машинописного текста).

В РГАЛИ хранятся отрывки из этой главы на французском языке. В главах, под названием «Дима», написанных на русском языке, описываются события более позднего времени, например, приезд Е. А. Масальской-Суриной в Ригу 25.7.1925.¹⁷

В пятой папке, в одном из конвертов подписанных по-норвежски: «Sofia Nikolaevna Sjill: Fedrelandets hjerte. Lyriske billeder. 1920-21» находится рукопись стихов в прозе и лирических рассказов-зарисовок Софии Николаевны Шиль.¹⁸ Всего в автографе С. Н. Шиль 124 страницы.

¹⁷ РГАЛИ: ф. 312, оп. 1, ед. хр. 108. Масальская-Сурина Е. А. Воспоминания о Д. В. Масальском-Сурине, сыне В. А. Масальского-Сурина от первой жены (1920-е). На французском и русском языках.

¹⁸ Шиль София Николаевна (псевдоним Орловский Сергей; 1863-1928) — писательница и переводчица. В НВ, Brevs. 337сохранилась расписка С. Н. Шиль о получении чека года от О. Брока 25.4.1915 на сумму

Вот одно из стихотворений в прозе под названием «Из великой скорби моей»:

Из глубины тоски моей вызываю твой образ, моя Москва, — ты великая, простая, щедрая, сердце отчизна!

Силою урагана оторваны мы от тебя, нежно-любимая, и стала ты для нас, как недоступная дальняя планета.

Не под твоим синим небом суждено было мне пережить грозные дни. Не на твой клубок дней и ночей намотать тоненькую ниточку моей жизни.

Только когда оторвут нас от наших корней, познаем мы, по острой боли, чем мы питались.

Если не суждено моим земным глазам увидеть тебя, моя Москва, пусть дойдет до тебя голос моей любви. Пусть отзовутся те, кто как я скорбели о тебе, и те, кто в неведеньи своем еще равнодушны к тебе, — величая, многодумная, святая Москва, сердце отчизны!

В конверт с рукописью С. Н. Шиль вложена записка, написанная рукой Олафа Брока, в которой сообщается о том, что содержание этого конверта привез в сумке из Москвы и передал ему в сентябре 1924 года Якхелльн (Jakhelln¹⁹). Эти материалы Якхелльн получил от Софии Шиль и обещал передать ему, т.е. Олафу Броку. Шиль уже тогда была очень больна и уже не надеялась жить долго, но очень хотела сохранить свои произведения, написанные в Крыму, несмотря ни на что. Чтобы обеспечить безопасность своей сестре, эти произведения должны были храниться у Олафа Брока до тех пор, пока в России не наступит благополучное время и можно будет вернуть эти произведения обратно.

Сборник стихов в прозе и лирических рассказов-зарисовок С. Н. Шиль под названием «Сердце отчизны. Севастополь. Во дни духовного и телесного голодания. 1920.IX – 1921.II», сохранившийся в архиве норвежского слависта, сейчас готовится к изданию и скоро вернется в Россию.

Подводя итог сказанному о составе архива Олафа Брока, хранящегося в Национальной Библиотеке в Осло, следует подчеркнуть предварительный характер представленного здесь описания. В ближайшее время планируется публикация не только литературных находок, но и каталога писем с описанием краткого их содержания.

Источники

NB, Olaf Broch, Brevs. 337.

РГАЛИ, ф. 312, оп. 1, ед. хр. 108.

СПбФАРАН: ф. 898, оп. 2, ед. хр. 14.

168 рублей 68 копеек и два ее письма к О. Броку от 12.3 и 28.4. 1915 года. В единственной научной работе, посвященной С. Н. Шиль (Овчинникова 2008: 69-118), написанной по архивным материалам, хранящимся в Москве, ни о ее знакомстве, ни о переписке с норвежским профессором не упоминается. Однако в письме С. Н. Шиль от 28.4.1915 говорится о том, что она получила от О. Брока чек и две открытки. Кроме того, из писем С. Н. Шиль следует, что она была знакома и общалась с В. И. Ягичем и его супругой, А. А. Шахматовым, профессорами Е. Н. Щепкиным и С. Б. Веселовским и многое другое, о чем до сих пор в ее биографии не упоминалось.

¹⁹ Christian Albrecht Jakhelln (1863-1945) — купец, банкир, мэр Будё, Северная Норвегия, русский консул.

Библиография

- Бархударов, С. Г. 1958. Из переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым. *Вопросы языкознания*, 1958, вып. 3. С. 60-75.
- Брок, О. 1907. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. *Сборник Отделения русского языка и словесности*. Т. 83, No 4. Санкт-Петербург. 151 С.
- Брок, О. 1910. Очерк физиологии славянской речи. *Энциклопедия славянской филологии*. Вып. 5:2. Под ред. Ягича И. В. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Санкт-Петербург. 262 С.
- Брок, О. 1916. Говоры к западу от Мосальска. (С картой). Петроград. 128 С.
- Коллонтай, А. М. 2001. *Дипломатические дневники. 1922-1940*. Том 2. Москва. 543 С.
- Лённгрен, Т. 2015а. Lönnngren, T. «... прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов. *Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures* No. 56, 2015, pp. 37–57.
http://www2.moderna.uu.se/slovo/Archives/2015-56/9_Lonngren.pdf
- Лённгрен, Т. 2015б. «Друг и помощник человечества»: переписка норвежского слависта Олафа Брока. *Вестник «Альянс-Архео»*. Вып. 12. Москва, Санкт-Петербург. С. 82-97.
- Овчинкина, И. В., 2008. О Софье Шиль и ее наследии. Приложение: Письма Райнера Марии Рильке и Лу Андреас-Саломе к Софье Николаевне Шиль (1900-1901 гг.) *Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ*. Москва. С. 69-118.
- Масальская-Сурина, Е. А. 2012. *Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове*. Москва. 599 С.
- Памятники 2015. *Памятники эпохи русской революции и гражданской войны: Письма дипломата Константина Николаевича Гулькевича норвежскому другу профессору Олафу Броку (1916-1923)*. Мурманск. 241 С.